

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Второй акт

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Второй акт

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Наследство Кукловода. Второй акт / С. В. Дроздова — «Автор»,
2026

В этой книге — финал театральной трагедии, где реальность переплетается с безумием, а декорации становятся клеткой для душ. Семеро приглашённых в старый особняк оказываются в ловушке, где режиссёром и палачом выступает призрак гения Крестовского. Он заставил их играть роли из пьес, которые сам украл у покойного драматурга, и каждая роль — смертельная. Здесь есть и актёры, и критики, и алкоголик, и женщина, чьё безумие становится голосом стен. Сюжет разворачивается через череду "декораций" — от горящего архива до заснеженного леса и тайной оранжереи. Персонажи теряют зрение, разум и друг друга, но находят ключ не от двери, а от собственных душ. Спектакль заканчивается, когда выжившие сжигают плёнки, с которыми связаны их страхи. Это история о том, как марионетка может перерезать нити, и о цене свободы, которую платят не кровью, а памятью. Книга — лабиринт, где каждая страница — зеркало, отражающее тени прошлого.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Наследство Кукловода. Второй акт

Глава 25. Декорация: Белая Бездна

Часть I. Анатомия бури

Мир за окнами старой усадьбы перестал существовать. Не в переносном смысле, не как метафора их отчаяния или фигура речи, которую любят использовать драматурги для создания атмосферы. Он исчез буквально, физически, растворившись в белой, воющей, всепоглощающей пелене, которая заполнила собой всё пространство от земли до неба.

Маргарита Зорина стояла у одного из огромных окон библиотеки и смотрела в ту сторону, где еще час назад можно было различить очертания вековых сосен и заснеженную дорогу, ведущую к станции. Теперь там не было ничего. Только сплошная белая стена, которая двигалась, пульсировала, жила своей собственной жизнью. Снег падал не вертикально, как это бывает при обычном снегопаде. Он летел горизонтально, секущими, хлесткими порывами, которые с такой силой били в толстое стекло, что казалось, еще немного — и оно не выдержит, треснет, и тогда в дом ворвется этот белый хаос и поглотит их всех.

— Дом начинает дышать, — прошептал Аркадий Вершинин, сидя на полу у стены. Он уже не пытался встать, не пытался найти бутылку, не пытался сделать вид, что контролирует ситуацию. Он просто сидел, прислонившись спиной к холодному дереву, и смотрел на окна с выражением животного ужаса. — Слышишь? Он дышит. Выдох — вдох. Выдох — вдох.

Маргарита слышала. Ветер завывал в дымоходе, создавая низкий, утробный звук, который действительно напоминал дыхание огромного, пробуждающегося зверя. Старые деревянные перекрытия скрипели и стонали под напором стихии, словно дом пытался защититься, пригибался к земле, сжимался в комок, чтобы пережить эту бурю. Где-то на втором этаже с гулким стуком захлопнулась дверь, которую никто не закрывал. Затем другая. И третья.

— Это не просто метель, — сказала Софья Райх, стоя у стола и глядя в сторону замерзшего окна. Ее лицо было непроницаемо, как всегда, но в голосе впервые проскользнула та самая нота, которую Маргарита привыкла считать человеческой уязвимостью. Беспокойство. — Я видела метели в горах, на севере. Но такой... такой не было. Снег не падает так плотно, так агрессивно. Это похоже на обвал. На лавину. Как будто небо решило похоронить нас заживо.

— Может быть, так и есть, — сказал Виктор Штолиц, подходя к окну и становясь рядом с Маргаритой. Его лицо, осунувшееся и бледное, отражалось в темном стекле, накладываясь на безумный танец снежинок. — Может быть, это не случайность. Может быть, он знал, что будет буря. Он ждал этого. Он спланировал всё, вплоть до погоды.

— Кто? — спросил Аркадий, поднимая голову. Его глаза были мутными, но в них горел холодный, безумный огонек. — Ты говоришь о нем? О том, кто сидит в кресле и улыбается, пока мы тут медленно сходим с ума?

— О ком же еще? — ответил Виктор, не поворачиваясь. — Он изучал метеорологию, когда строил этот дом. Я нашел его записи в подвале. Он знал, что в это время года здесь случаются ураганные ветры. Он рассчитывал на них. На изоляцию.

— Ты хочешь сказать, что он мог предсказать погоду за несколько месяцев? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось недоверие.

— Он не предсказывал ее, — ответил Виктор. — Он просто знал, что она будет. Он строил этот дом, зная, что однажды мы окажемся в нем, когда наступит буря. Он создал идеальные условия для своей последней пьесы.

Маргарита снова посмотрела в окно. Снег бил в стекло с такой силой, что она почти физически чувствовала, как вибрация передается через раму, через стену, через пол, проникает в ее тело, заставляя сердце биться в такт с этой белой стихией. Она подумала о том, что если бы они нашли выход, если бы им удалось выбраться из этого проклятого дома, они бы просто замерзли в этой метели через несколько минут. Они были обречены. Не только на смерть, но и на то, чтобы умереть здесь, в этом театре, который Крестовский построил для них.

Внезапно порыв ветра был таким сильным, что одно из окон прогнулось внутрь. Стекло выгнулось дугой, и Маргарита услышала, как треснула одна из старых рам. Она инстинктивно отшатнулась, и в тот же момент раздался звук, от которого у нее похолодела кровь. Это был не скрип дерева и не вой ветра.

Это был смех.

Сухой, надтреснутый, похожий на трение наждачной бумаги о стекло. Смех Крестовского. Он раздавался отовсюду и ниоткуда одновременно, отражаясь от стен, смешиваясь с воем ветра, создавая ужасающую какофонию, от которой хотелось закрыть уши и закричать.

— Ты слышал? — спросила Елена Соболева, сидя в углу и обхватив колени руками. Она больше не плакала — слезы, казалось, иссякли несколько часов назад, оставив на ее лице лишь бледную, восковую маску отчаяния. — Он смеется. Он смеется над нами. Он всегда смеется.

— Это просто ветер, — сказала Маргарита, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ветер создает такие звуки, когда дует в трубы и щели.

— Нет, — покачала головой Елена. Ее глаза были широко открыты, зрачки расширены до предела, и она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чем конкретном. — Это не ветер. Я знаю его голос. Я слышала его, когда он говорил со мной. Это он. Он здесь. Он везде.

Маргарита подошла к креслу Крестовского. Он сидел в той же позе, прикованный наручниками, и его лицо было непроницаемым, как маска. Но на его губах играла та самая улыбка, которую она так ненавидела. Он смотрел на нее, и в его глазах было выражение человека, который наблюдает за развитием спектакля, который он сам написал и поставил.

— Ты знал о метели, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим, но в нем слышалась сталь. — Ты знал, что она будет. Ты планировал это с самого начала.

Крестовский не ответил. Он просто продолжал смотреть на нее, и его улыбка стала чуть шире. В ней не было торжества — только спокойная, уверенная насмешка человека, который знает, что время работает на него.

— Ты хотел, чтобы мы оказались в ловушке, — продолжала Маргарита, и ее голос стал громче. — Ты хотел, чтобы мы не могли выбраться. Ты хотел, чтобы мы умирали медленно, в полной изоляции, зная, что никто не придет нам на помощь. Это твой финальный акт. Твой последний спектакль.

Она сделала паузу, ожидая ответа. Но Крестовский молчал. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

— Но ты забыл одну вещь, — сказала она, и ее голос стал жестче. — Мы еще живы. И пока мы живы, у нас есть шанс. Мы найдем выход. Мы перепишем твой финал. Мы сделаем так, чтобы ты проиграл.

Крестовский медленно, очень медленно, поднял голову. Его глаза встретились с глазами Маргариты, и в них не было ни страха, ни сомнения. Только холодное, ледяное спокойствие.

— Ты думаешь, что можешь переписать мой финал? — спросил он, и его голос был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Ты думаешь, что ты сильнее меня? Ты всего лишь актриса, Маргарита. Актриса, которая пытается сыграть роль героини. Но ты не героиня. Ты просто жертва, как и все остальные.

— Мы увидим, — сказала Маргарита, и в ее голосе была сталь.

Она отвернулась от него и снова посмотрела в окно. Метель усиливалась. Снег бил в стекло так сильно, что казалось, еще немного — и оно разобьется. Ветер выл на разные голоса, создавая иллюзию, что за стенами дома собралась целая толпа, которая ждет, когда они выйдут наружу.

Виктор подошел к ней и встал рядом. Его лицо было напряженным, и он смотрел на снежную бурю с выражением человека, который пытается найти в хаосе какой-то порядок.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Если метель продолжится, дом может не выдержать. Старые перекрытия, крыша... Я видел планы этого здания. Оно строилось как крепость, но даже крепости не вечны. Если снег будет давить на крышу, она может провалиться.

— Что ты предлагаешь? — спросила Маргарита.

— Мы должны спуститься в подвал, — ответил Виктор. — Там толще стены. Там безопаснее. И там есть система вентиляции, которая может работать автономно. Мы сможем переждать бурю.

— Или задохнуться, — мрачно заметил Аркадий, который подошел к ним, волоча ноги. — Или умереть от холода. Или быть заживо погребенными, когда этот проклятый дом рухнет нам на головы. Много вариантов. Выбирай любой.

— Я выбираю тот, который дает нам шанс выжить, — сказал Виктор, и в его голосе послышалось раздражение. — Или у тебя есть лучший план?

Аркадий хотел что-то ответить, но в этот момент раздался звук, от которого все замерли. Глухой, тяжелый удар. Он доносился сверху, с чердака. Кто-то или что-то двигалось там, в темноте, под самой крышей.

— Крыса, — сказала Елена, не поднимая головы. — Большая крыса. Она пришла, чтобы посмотреть на нас.

— Это не крыса, — сказал Аркадий, и его голос дрогнул. — Крысы не могут ходить так тяжело.

Звук повторился. Шаг. Пауза. Шаг. Кто-то ходил по чердаку, прямо над их головами. Ритмично, медленно, как будто прислушиваясь к каждому их движению.

Маргарита подошла к лестнице, ведущей на второй этаж. Она смотрела в темноту, которая сгустилась там, за поворотом, и чувствовала, как холод пробегает по ее спине.

— Кто там? — крикнула она, и ее голос эхом разнесся по пустому дому.

Ответа не было. Только шаги. Они продолжались, не ускоряясь и не замедляясь, как будто кто-то ходил по кругу, не собираясь останавливаться.

— Это он, — прошептала Елена, и ее голос дрожал. — Он пришел за нами. Он всегда приходит, когда начинается метель.

— Кто? — спросила Маргарита, поворачиваясь к ней. — Кто приходит, Елена? Ты знаешь что-то, чего не говоришь нам?

Елена подняла на нее глаза. В них было что-то странное, почти безумное. Она улыбнулась — той самой пугающей, неестественной улыбкой, которая появилась у нее после того, как она надела костюм Пьеро.

— Тень, — сказала она, и ее голос стал тихим, почти шепотом. — Тень, которая живет в стенах. Он ждет, когда мы уснем. Когда мы закроем глаза. Тогда он выйдет и заберет того, кто спит крепче всех.

— Елена, перестань, — сказала Маргарита, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты просто устала. Ты видишь то, чего нет.

— Я вижу правду, — сказала Елена, и ее улыбка стала шире. — Я всегда видела правду. Но никто не хотел слушать. Никто не хотел слышать. И теперь... теперь слишком поздно.

Она замолчала и снова опустила голову, уставившись в пол. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только воем ветра и шагами на чердаке.

Маргарита смотрела на нее, чувствуя, как внутри нее поднимается странное, почти пугающее понимание. Елена сломалась. Окончательно, бесповоротно. И если они не найдут способ выбраться из этого кошмара, они все разделят ее судьбу.

Она повернулась к остальным и посмотрела на них. Софья стояла у стола, ее лицо было бледным, но спокойным. Она делала заметки в своем блокноте, как будто фиксировала происходящее для какой-то будущей рецензии. Виктор стоял у окна, глядя на метель. Аркадий сидел на полу, и его руки дрожали.

— Мы должны спуститься в подвал, — сказала Маргарита, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы переждем бурю там. Это единственный шанс.

— А если он последует за нами? — спросил Аркадий, и в его голосе послышался страх.

— Тогда мы встретим его лицом к лицу, — сказала Маргарита, и она сжала револьвер, который был спрятан за поясом. — И мы покажем ему, что такое настоящий финал.

Она подошла к лестнице, ведущей в подвал, и остановилась на мгновение, глядя в темноту. Шаги на чердаке прекратились. Тишина стала абсолютной. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

Маргарита сделала глубокий вдох и начала спускаться вниз, в темноту, которая ждала ее. За ней, один за другим, двинулись остальные.

Часть II. Вторжение безумия

Подвал встретил их тем же холодным, спертым воздухом, который пах сырой землей, старым бетоном и машинным маслом. Здесь, под землей, вой ветра был приглушенным, как будто доносился из другой реальности. Но шаги на чердаке прекратились, и это было почти хуже, чем их присутствие. Тишина давила на уши, заставляя сердце биться быстрее.

Маргарита зажгла фонарик, и узкий луч света разрезал темноту, выхватывая из нее очертания труб, переплетения кабелей и старую, покрытую пылью мебель. Они находились в небольшом техническом помещении, где уже были раньше, когда искали яд. Но теперь это место казалось им почти родным.

— Здесь есть комнаты дальше, — сказал Виктор, указывая на темный коридор, уходящий вглубь. — Я видел план. Там есть помещение, которое использовалось как бомбоубежище. Стены в метр толщиной. Туда даже звук не проникает.

— Звук не проникает? — переспросил Аркадий, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Это хорошо. Мне надоело слышать его голос.

Они двинулись по коридору. Шаги эхом разносились по бетонным стенам, и Маргарите казалось, что за ними кто-то идет — кто-то невидимый, кто-то, кто не хотел показывать себя. Она обернулась, но за ней было только пусто.

— Софья, — сказала она, останавливаясь. — Ты идешь последней. Смотри, чтобы никто не отстал.

Софья кивнула, и ее лицо в свете фонарика казалось бледным, почти призрачным. Она смотрела в темноту, из которой они пришли, и ее глаза были напряженными.

— Я слышу что-то, — сказала она тихо. — Шаги. Слабые. Но они есть.

— Это просто эхо, — сказал Виктор. — Наши собственные шаги.

— Нет, — сказала Софья, и ее голос стал жестче. — Я слышу их. Кто-то идет за нами.

Маргарита замерла, прислушиваясь. В тишине она слышала только гул генератора и бие-ние собственного сердца. Но затем — да, это было едва уловимо, как шелест листьев на ветру — она услышала шаги. Легкие, почти неслышные, но они были там. Кто-то шел за ними на небольшом расстоянии.

— Быстрее, — сказала она, ускоряя шаг. — Мы должны добраться до убежища.

Они побежали по коридору, и шаги за ними тоже ускорились. Маргарита слышала дыха-ние остальных — тяжелое, прерывистое. Она слышала, как Елена всхлипывает. Она слышала, как Аркадий ругается себе под нос. И она слышала шаги — они становились все ближе, все отчетливее.

Они вбежали в комнату, которая, по словам Виктора, должна была быть бомбоубежищем. Это было небольшое помещение с толстыми бетонными стенами, без окон, с одной единствен-ной дверью, которая закрывалась на тяжелый засов. Маргарита захлопнула дверь и задвинула засов. Шаги за дверью остановились.

Все замерли, прислушиваясь. Тишина была абсолютной. Только их дыхание и гул гене-ратора, который звучал где-то далеко.

— Он там, — прошептала Елена, и ее голос дрожал. — Он стоит за дверью. Он ждет.

— Заткнись, — сказал Аркадий, и его голос был грубым, но в нем слышался страх. — Ты только нагнетаешь панику.

— Я говорю правду, — сказала Елена, и ее голос стал тихим, почти шёпотом. — Он всегда ждет. Он ждал, когда мы приедем. Он ждал, когда мы войдем в дом. Он ждал, когда мы найдем яд. Он ждал, когда мы умрем. И он продолжает ждать.

— Елена, — сказала Маргарита, подходя к ней. — Посмотри на меня. Ты слышишь меня? Ты не должна бояться. Мы все здесь, мы вместе. Мы защитим тебя.

Елена подняла на нее глаза. В них была та же пустота, что и раньше, но теперь в ней появилось что-то новое. Странное, почти пугающее спокойствие.

— Ты не можешь защитить меня, — сказала она, и ее голос был ровным, как гладь озера. — Никто не может защитить меня. Потому что он уже внутри меня. Он всегда был внутри меня.

Она замолчала и снова опустила голову. Ее губы начали шевелиться, и она забормотала что-то тихо, почти неслышно.

— Что ты говоришь? — спросила Маргарита, наклоняясь ближе.

Елена подняла глаза. И начала говорить. Ее голос изменился — он стал другим, более глубоким, как будто она не говорила, а читала текст, который был написан кем-то другим.

— «Белый Пьеро пляшет на проволоке, а под ним — семь могил. Первая — для правды, вторая — для сна, третья — для памяти, четвертая — для любви, пятая — для надежды, шестая — для веры, седьмая — для тишины. И все они ждут, когда упадет последний актер».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по ее спине. Эти слова были похожи на стихотворение, которое она нашла под полом. Но они были другими. Искаженными, как в кривом зеркале.

— Что это? — спросила она, и ее голос дрожал. — Откуда ты знаешь эти слова?

Елена улыбнулась. Ее улыбка была странной, нечеловеческой, как у куклы, у которой дергают ниточки.

— Он рассказал мне, — сказала она. — Он рассказывает мне много вещей. Когда я сплю, он приходит и говорит со мной. Он говорит, что я особенная. Что я выбрана. Что я должна... я должна стать его голосом.

— Чьим голосом? — спросил Виктор, и его голос был напряженным.

— Его, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — Того, кто ждет за дверью.

Все посмотрели на дверь. За ней было тихо. Слишком тихо.

— Там никого нет, — сказал Аркадий, но его голос дрожал.

— Он есть, — сказала Елена, и ее голос стал громче. — Он всегда есть. Он ждет. Он ждет, когда мы уснем. Когда мы закроем глаза. Тогда он войдет.

Она встала, и ее движения были странными, неестественными, как у марионетки. Она подошла к двери и прижалась к ней ухом.

— Слышишь? — прошептала она, и на ее губах снова появилась та странная улыбка. — Он шепчет. Он говорит мне... он говорит, что я должна открыть дверь.

— Нет, — сказала Маргарита, хватая ее за руку. — Ты не откроешь дверь. Ты останешься здесь, с нами.

Елена посмотрела на нее. В ее глазах было что-то странное — не гнев, не страх, а странное, почти пугающее понимание.

— Ты не можешь остановить меня, — сказала она, и ее голос был тихим, но твердым. — Ты не можешь остановить никого из нас. Мы все здесь, чтобы играть свои роли. И моя роль — быть его голосом.

Она вырвала руку и отошла к противоположной стене. Она села на пол, обхватив колени руками, и снова начала раскачиваться, напевая себе под нос какую-то мелодию.

— «Серебряный дождь стучит в стекло, это кости моей мамы. Она просит открыть, но там нет ручки, только глазки от кукол. Она плачет, но никто не слышит. Она кричит, но никто не приходит. Потому что все уже мертвы. Все уже мертвы и не знают об этом».

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее чувство. Она знала, что Елена сломалась. Но она также знала, что в ее бреде есть что-то реальное. Что-то, что могло быть ключом к разгадке.

— Софья, — сказала она, поворачиваясь к критику. — Ты слышишь, что она говорит? Это похоже на пьесы Ланского?

Софья подошла ближе. Ее лицо было напряженным, и она смотрела на Елену с выражением, в котором смешивались ужас и любопытство.

— Да, — сказала она, и ее голос был тихим. — Это «Маска». Но не та версия, которую мы нашли. Это ранний черновик. Там были строки, которые он вырезал. Он говорил о «голосе в стенах». О том, что дом — это живой организм, который говорит с теми, кто готов слушать.

— И что это значит? — спросил Виктор, и в его голосе послышалось напряжение.

— Это значит, что Крестовский не просто построил дом, — сказала Софья. — Он создал его как произведение искусства. Как инсталляцию. Как место, где реальность и безумие сливаются воедино.

Она подошла к Елене и опустилась на корточки рядом с ней. Ее голос стал мягче, почти нежным.

— Елена, — сказала она. — Посмотри на меня. Что еще он тебе говорил? Что он сказал тебе о нас? О том, что должно произойти?

Елена подняла на нее глаза. В них была пустота, но в этой пустоте мелькнула искра узнавания.

— Он сказал, что мы все умрем, — сказала она, и ее голос был тихим, как шёпот. — Он сказал, что это наш последний спектакль. Что мы должны играть свои роли до конца. И что только тот, кто сыграет лучше всех, сможет выжить.

— И кто же будет лучшим? — спросила Софья.

Елена улыбнулась. Ее улыбка была странной, почти зловещей.

— Тот, кто сможет убить, — сказала она. — Тот, кто сможет убить и не почувствовать ничего.

Она замолчала и снова начала раскачиваться, напевая свою мелодию.

Маргарита смотрела на нее, чувствуя, как внутри нее поднимается холод. Она знала, что они не могут оставаться здесь. Елена была опасна — не потому, что она могла причинить им вред, а потому, что ее безумие могло заразить их всех. Они должны были найти выход. Они должны были выбраться из этого кошмара, пока их собственные рассудки не начали рушиться.

— Мы должны идти, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы не можем оставаться здесь.

— Куда? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась усталость. — Мы уже перерыли весь дом. Мы ничего не нашли.

— Мы нашли не всё, — сказал Виктор. — Мы не нашли его лабораторию. Мы не нашли то место, где он хранит свои настоящие тайны.

— Его сердце, — сказала Софья, и ее голос стал задумчивым. — Его душу. То место, где он хранит свои настоящие секреты. Мы должны найти его.

Маргарита посмотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что Софья была права. Они должны были найти это место. Это был их единственный шанс.

— Мы найдем его, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы найдем его, чего бы это ни стоило.

Она подошла к двери и прислушалась. За ней было тихо. Слишком тихо. Шаги исчезли, как будто их и не было.

— Он ушел, — сказала она, и в ее голосе послышалось облегчение. — Мы можем идти.

— Или он просто ждет, — сказала Елена, не поднимая головы. — Он всегда ждет. Он знает, что мы придем к нему. Мы всегда приходим.

Маргарита проигнорировала ее слова. Она открыла дверь и вышла в коридор. За ней, один за другим, двинулись остальные.

Когда они ушли, Елена осталась одна в комнате. Она сидела на полу, обхватив колени руками, и раскачивалась, напевая свою странную мелодию.

— «Берегитесь человека без лица, — шептала она. — Он носит вашу кожу как перчатку. Он снимает ее, когда вы спите, и надевает свою. И вы никогда не узнаете, кто вы на самом деле».

Она замолчала и посмотрела в темноту. В ее глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее спокойствие.

— Я знаю, кто я, — прошептала она. — Я та, кто видит правду. Я та, кто знает, что все мы — марионетки. И я та, кто сможет перерезать нити.

Она улыбнулась и снова начала раскачиваться, напевая свою мелодию.

Часть III. Стадия замерзания

Коридор тянулся бесконечно. Маргарита шла вперед, чувствуя, как усталость наваливается на нее, как тяжесть последних часов давит на плечи, сгибает спину, заставляет глаза слипаться. Она не помнила, когда спала в последний раз. Она не помнила, когда ела. Она помнила только холод, только страх, только эту проклятую темноту, которая окружала их со всех сторон.

Виктор шел рядом с ней, и его дыхание было тяжелым, прерывистым. Он держал фонарик, и луч света метался по стенам, выхватывая из темноты очертания труб и кабелей.

— Мы идем по кругу, — сказал он, останавливаясь. — Я вижу эту трубу уже в третий раз. Мы где-то заблудились.

— Мы не могли заблудиться, — сказала Маргарита, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мы шли прямо.

— Прямо, — повторил Аркадий, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Ты думаешь, что в этом лабиринте есть прямо? Здесь все криво. Все изогнуто. Все подстроено так, чтобы мы потерялись.

Он остановился и прислонился к стене. Его лицо было бледным, покрытым испариной, и он тяжело дышал.

— Я не могу больше идти, — сказал он, и его голос был тихим, почти шепотом. — Я устал. Я хочу просто сесть и закрыть глаза.

— Ты не можешь остановиться, — сказала Маргарита, подходя к нему. — Если ты остановишься, ты умрешь.

— Может быть, это и есть выход, — сказал Аркадий, и в его глазах мелькнула странная, почти пугающая искра. — Может быть, смерть — это единственный способ выбраться отсюда.

— Не говори так, — сказала Маргарита, и ее голос стал жестче. — Мы не сдаемся. Мы будем бороться до конца.

— До конца, — повторил Аркадий, и в его голосе послышалась горечь. — Какой конец? Мы уже в конце. Мы просто не хотим признавать этого.

Он закрыл глаза и начал медленно сползать по стене. Маргарита схватила его за плечо, не давая ему упасть.

— Аркадий, — сказала она, и ее голос дрожал. — Аркадий, посмотри на меня. Ты слышишь меня?

Он медленно открыл глаза. В них была пустота — та же пустота, что Маргарита видела в глазах Елены.

— Я слышу тебя, — сказал он, и его голос был тихим, как шёпот. — Но я не хочу слышать. Я хочу, чтобы все закончилось. Я хочу уйти.

— Ты не уйдешь, — сказала Маргарита, и в ее голосе послышалась сталь. — Ты останешься здесь, с нами. Ты будешь бороться.

Она помогла ему подняться, и он оперся на ее плечо. Его тело было тяжелым, и она чувствовала, как он дрожит.

— Мы должны идти, — сказала она. — Мы не можем останавливаться.

Они двинулись дальше. Коридор вился, как змея, и казалось, что он никогда не закончится. Маргарита чувствовала, как усталость наваливается на нее с каждым шагом, как холод проникает в ее кости, как страх сжимает горло.

Софья шла позади, и ее дыхание было ровным, как у человека, который привык контролировать себя в любой ситуации. Но Маргарита знала — она тоже боится. Она просто лучше скрывает это.

— Мы должны найти выход, — сказала Софья, и ее голос был холодным, как лед. — И мы должны найти его быстро. Елена не выдержит еще долго. И если она сломается окончательно, мы все умрем.

— Она уже сломалась, — сказал Виктор, и в его голосе послышалась усталость. — Мы все сломались. Мы просто не хотим признавать этого.

— Мы не сломались, — сказала Маргарита, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы еще живы. И пока мы живы, у нас есть шанс.

Она остановилась и посмотрела на них. Они стояли в темноте, и их лица были бледными, испуганными, искаженными от напряжения. Она видела их страх, их отчаяние, их надежду. И она знала, что должна быть сильной. Она должна быть их лидером.

— Мы найдем выход, — сказала она, и ее голос эхом разнесся по коридору. — Мы найдем его, потому что у нас нет выбора.

Она сжала кулаки и посмотрела в темноту. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут еще большие испытания, еще большие потери. Но она знала, что должна найти правду. И она найдет ее, даже если это будет последним, что она сделает в своей жизни.

Они двинулись дальше. Коридор сужался, становясь все более узким и темным. Стены были покрыты слоем плесени, и воздух был сырым, тяжелым. Маргарита чувствовала, как внутри нее поднимается отчаяние, но она не позволяла себе остановиться.

Внезапно Виктор остановился. Он приложил палец к губам, призывая к тишине.

— Слышите? — прошептал он.

Маргарита замерла, прислушиваясь. В тишине она слышала только биение собственного сердца. Но затем — да, это было едва уловимо — она услышала звук. Тихий, монотонный, повторяющийся звук. Скрип. Металл о металл.

— Это снова он, — прошептал Аркадий, и его голос дрожал. — Он снова здесь.

— Нет, — сказал Виктор, и в его голосе послышалось напряжение. — Этот звук другой. Он доносится из-за стены.

Он подошел к стене и прижался к ней ухом. Его лицо стало напряженным, и он провел рукой по бетону.

— Здесь что-то есть, — сказал он. — Полость. За стеной пустота.

Маргарита подошла к нему и тоже приложила ухо к стене. Звук был отчетливее — скрип металла, который повторялся через равные промежутки времени.

— Что это может быть? — спросила она.

— Механизм, — сказал Виктор. — Часы. Или система вентиляции. Или... что-то еще.

Он начал ощупывать стену, ища шов, щель, что-то, что могло бы открыть проход. Его пальцы двигались по бетону, и он чувствовал, как под его рукой что-то движется.

— Здесь есть что-то, — сказал он, и его голос стал напряженным. — Помогите мне.

Маргарита и Аркадий подошли к нему и начали давить на стену. Бетон поддался с трудом, но они чувствовали, как он движется, как открывается проход. С тихим скрипом стена начала поворачиваться, открывая узкий проход, ведущий в темноту.

Из прохода вырвался клуб холодного, спертого воздуха, пахнувшего пылью и старой бумагой. За ним виднелась небольшая комната, заставленная коробками и старыми вещами.

— Еще одна тайная комната, — сказала Софья, и в ее голосе послышалось напряжение. — Мы нашли ее.

Они вошли внутрь. Комната была маленькой, пыльной, заставленной коробками и старыми вещами. На стенах висели портреты — не Крестовского, а Ланского. Молодого, красивого, с горящими глазами, полными надежды.

— Это его комната, — сказала Софья, и ее голос был тихим, почти благоговейным. — Это комната Ланского. Крестовский превратил ее в мавзолей.

Маргарита подошла к столу, стоящему в центре комнаты. На нем лежала стопка бумаг, перевязанная черной лентой. Она развязала ленту и начала перелистывать страницы.

— Это его настоящие пьесы, — сказала она, и ее голос дрожал. — Не те, что были изданы. Это черновики. Это его душа.

Она начала читать вслух, и ее голос эхом разносился по маленькой комнате:

— «Палач не знает, что он тоже актер. Он думает, что он создает правила, но он всего лишь марионетка. И его марионетка перережет нити. Палач умрет от той же руки, которой убивал. Потому что в конце концов правда всегда побеждает ложь».

— Это его финал, — сказала Софья, и ее голос был тихим, почти шепотом. — Это настоящий финал. Крестовский украл его и использовал как сценарий для своей мести.

Маргарита перелистнула еще несколько страниц и остановилась на одной из них. Там был текст, написанный красными чернилами, как кровь на бумаге:

«Я знаю, что он придет. Я знаю, что он украдет мои слова. Но я не боюсь. Потому что мои слова будут жить вечно. Они будут жить в его спектаклях, в его убийствах, в его смерти. Мои слова станут его приговором».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по ее спине. Она смотрела на текст, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее понимание.

— Он знал, — сказала она, и ее голос дрожал. — Ланский знал, что Крестовский украдет его пьесы. Он знал, что они станут орудием убийства. И он позволил этому случиться. Он хотел, чтобы его слова стали мстью.

Она подняла глаза на остальных. В ее глазах горел огонь — огонь открытия.

— Мы нашли его, — сказала она. — Мы нашли его сердце. Мы нашли его настоящие пьесы. И мы найдем способ использовать их против Крестовского.

Она взяла стопку бумаг в руки и повернулась к выходу. Внутри нее поднималась новая волна эмоций — гнев, обида, и странное, почти пугающее чувство освобождения. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут еще большие испытания, еще большие потери. Но она также знала, что они нашли правду. И эта правда изменит всё.

Часть IV. Снаряжение для безумия

Они вернулись в библиотеку, неся с собой рукописи Ланского. Елена шла за ними, как тень, ее лицо было бледным, как полотно, и она смотрела в пространство перед собой, не фоку-

сируясь ни на чем конкретном. Ее губы шевелились, и она продолжала напевать свою странную мелодию.

— «Берегитесь человека без лица, — шептала она. — Он носит вашу кожу как перчатку. Он снимает ее, когда вы спите, и надевает свою. И вы никогда не узнаете, кто вы на самом деле».

— Елена, — сказала Маргарита, подходя к ней. — Ты должна остановиться. Ты должна попытаться успокоиться.

Елена подняла на нее глаза. В них была пустота — та же пустота, что и раньше, но теперь в ней появилось что-то новое. Странное, почти пугающее понимание.

— Я не могу остановиться, — сказала она, и ее голос был тихим, как шёпот. — Он не дает мне остановиться. Он говорит, что я должна продолжать. Что я должна говорить. Что я должна стать его голосом.

— Чьим голосом? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось напряжение.

— Его, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — Того, кто ждет за дверью. Того, кто наблюдает за нами. Того, кто знает все наши секреты.

Маргарита посмотрела в темноту, в которую указывала Елена. Там ничего не было. Только пустота.

— Там никого нет, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Он есть, — сказала Елена, и ее голос стал громче. — Он всегда есть. Он ждет. Он ждет, когда мы уснем. Когда мы закроем глаза. Тогда он войдет.

Она замолчала и снова начала раскачиваться, напевая свою мелодию.

Маргарита смотрела на нее, чувствуя, как внутри нее поднимается холод. Она знала, что не может помочь Елене. Она была слишком далеко, слишком глубоко в своем безумии. Единственное, что они могли сделать, это найти выход и выбраться отсюда.

— Мы должны идти, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы не можем оставаться здесь.

— Куда? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась усталость. — Мы уже перерыли весь дом. Мы ничего не нашли.

— Мы нашли не всё, — сказал Виктор. — Мы не нашли его лабораторию. Мы не нашли то место, где он хранит свои настоящие тайны.

— Его сердце, — сказала Софья, и ее голос стал задумчивым. — Его душу. То место, где он хранит свои настоящие секреты. Мы должны найти его.

Маргарита посмотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что Софья была права. Они должны были найти это место. Это был их единственный шанс.

— Мы найдем его, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы найдем его, чего бы это ни стоило.

Она подошла к столу и взяла в руки одну из рукописей Ланского. Она открыла ее и начала читать вслух, и ее голос эхом разносился по библиотеке:

— «Палач не знает, что он тоже актер. Он думает, что он создает правила, но он всего лишь марионетка. И его марионетка перережет нити. Палач умрет от той же руки, которой убивал. Потому что в конце концов правда всегда побеждает ложь».

— Это его финал, — сказала Софья, и ее голос был тихим, почти шёпотом. — Это финал, который он не хотел видеть. Это финал, который он пытался скрыть. Но мы нашли его. И мы используем его против него.

Маргарита смотрела на Крестовского, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что они нашли правду. Они нашли способ остановить его.

— Ты хотел, чтобы мы стали Ланским, — сказала она, и ее голос был ледяным. — Ты хотел, чтобы мы пережили его боль. Но ты ошибся. Мы не будем страдать в одиночестве. Мы не будем умирать, так и не поняв, что мы были правы. Мы найдем способ выбраться отсюда. Мы перепишем финал. И мы сделаем так, чтобы ты увидел правду.

Она подошла к нему и остановилась прямо перед его креслом. Она смотрела на него, и в ее глазах не было ни страха, ни сомнения.

— Ты проиграл, Игнат, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Ты проиграл, потому что ты не понял главного. Ланский был гением не потому, что он создал великие пьесы. Он был гением, потому что он смог увидеть правду. И ты никогда не увидишь ее. Ты будешь сидеть здесь, прикованный к этому креслу, и смотреть, как мы находим выход из твоего лабиринта. И ты поймешь, что ты был всего лишь марионеткой. Марионеткой, которая думала, что она управляет куклами.

Крестовский смотрел на нее, и в его глазах впервые появилось что-то, чего она никогда не видела раньше. Не страх, но тень неуверенности. Сомнение.

— Ты не сможешь переписать финал, — сказал он, и в его голосе впервые не было твердости. — Я написал этот сценарий. Я знаю, как он закончится. Ты не сможешь изменить его.

— Увидим, — сказала Маргарита, и в ее голосе была сталь.

Она отвернулась от него и посмотрела на остальных. В ее глазах горел холодный, решительный огонь. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут еще большие испытания, еще большие потери. Но она также знала, что они нашли правду. И они найдут способ выбраться отсюда.

Она подошла к столу и села вместе с остальными. Они начали читать рукописи Ланского, ища способ переписать финал. Впервые за долгие часы они были объединены общей целью. Они были не жертвами, не марионетками, а творцами.

Елена сидела в углу, обхватив колени руками, и раскачивалась, напевая свою странную мелодию.

— «Белый Пьеро пляшет на проволоке, а под ним — семь могил. Первая — для правды, вторая — для сна, третья — для памяти, четвертая — для любви, пятая — для надежды, шестая — для веры, седьмая — для тишины. И все они ждут, когда упадет последний актер».

Маргарита слышала ее голос, но не обращала на него внимания. Она знала, что должна быть сильной. Она должна быть их лидером. Она не могла позволить себе сломаться, как Елена. Она не могла позволить себе поддаться страху.

Она перелистывала страницы, ища ответы. И на одной из них она нашла то, что искала.

«Чтобы уничтожить палача, нужно уничтожить его сердце. То место, где он хранит свою душу. Где он прячет свои страхи. Где он хоронит свои мечты».

Маргарита подняла глаза на остальных. В ее глазах горел огонь — огонь открытия.

— Мы нашли его, — сказала она, и ее голос дрожал. — Мы нашли его сердце. Мы нашли то место, где он хранит свою душу.

— Где? — спросил Виктор, и в его голосе послышалось напряжение.

— Здесь, — сказала она, указывая на страницу. — В этом доме. Он спрятал его в том месте, которое мы никогда не найдем. Потому что мы ищем не там.

— Где же мы должны искать? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась усталость.

— Мы должны искать внутри себя, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим, как шёпот. — Мы должны найти ту часть себя, которую мы прячем от всех. Ту часть, которую мы не хотим видеть. Потому что именно там, в темноте нашего собственного сознания, Крестовский спрятал свои секреты.

Она замолчала, и в комнате воцарилась тишина. Тишина, которая была тяжелой, как могильная плита. Все смотрели на нее, и в их взглядах было что-то новое — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

Они нашли правду. Но эта правда была страшнее, чем они могли себе представить.

Глава 26. Декорация: Седьмая Пуля

Часть I. Анатомия решения

Тишина в библиотеке стала абсолютной. Даже ветер за окнами, казалось, затих, словно сама природа затаила дыхание, ожидая развязки. Маргарита Зорина сидела за столом, и перед ней лежала та самая записка, которую они нашли под половицей у камина. Семь пуль для семи грехов. Семь целей. И только шесть патронов в револьвере, который она сжимала в руке.

Она перечитывала текст снова и снова, вглядываясь в каждое слово, пытаясь найти скрытый смысл, который ускользал от нее, как тень в темноте.

«Семь пуль для семи грехов.

Первая — для сомнений.

Вторая — для правды.

Третья — для памяти.

Четвертая — для любви.

Пятая — для надежды.

Шестая — для веры.

Седьмая — для тишины.

Выбери свою, Маргарита. Выстрели в прошлое. Или будущее. Выбор за тобой. Твой любящий Отец.»

Она чувствовала, как холод металла проникает в ее ладонь, как револьвер становится продолжением ее руки. Это оружие было не просто инструментом убийства. Это был ключ. Ключ к пониманию того, что Крестовский хотел сказать им. Ключ к финалу, который они должны были переписать.

Она подняла глаза и посмотрела на Крестовского. Он сидел в своем кресле, прикованный наручниками, и его лицо было непроницаемым, как маска. Но в его глазах она видела то же выражение, которое преследовало ее все эти дни. Холодное, ледяное удовлетворение человека, который знает, что время работает на него.

— Ты хотел, чтобы я сделала выбор, — сказала она, и ее голос был тихим, но в нем слышалась сталь. — Ты хотел, чтобы я стала палачом. Ты хотел, чтобы я взяла на себя роль, которую ты написал для меня. Но ты ошибся, Игнат. Я не буду играть по твоим правилам.

Крестовский улыбнулся. Его улыбка была холодной, надменной.

— Ты уже играешь, Маргарита, — сказал он, и его голос был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Ты уже взяла в руки револьвер. Ты уже прочитала мое послание. Ты уже начала выбирать. И ты сделаешь свой выбор, потому что у тебя нет другого выбора.

— У меня всегда есть выбор, — сказала Маргарита, и в ее голосе послышалась сталь. — Я могу не стрелять. Я могу выбросить этот револьвер. Я могу найти другой способ выбраться отсюда.

— Можешь, — сказал Крестовский, и его улыбка стала шире. — Но ты не сделаешь этого. Потому что ты знаешь, что этот револьвер — единственный ключ к выходу. И ты знаешь, что если ты не выстрелишь, мы все умрем здесь. Ты, Виктор, Софья, Елена, Аркадий. Все. И ты не сможешь жить с этим знанием.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что он был прав. Она не могла позволить им умереть. Она не могла позволить себе проиграть.

Она поднялась из-за стола и подошла к окну. Метель за окнами усиливалась, и снег бил в стекло с такой силой, что казалось, еще немного — и оно разобьется. Она смотрела на эту белую пелену, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее спокойствие.

Она знала, что должна сделать выбор. Но она не знала, какой выбор был правильным.

— Маргарита, — раздался голос Виктора за ее спиной. — Ты в порядке?

Она повернулась к нему. Его лицо было бледным, осунувшимся, но в глазах горела та же решимость, что и у нее.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, какой выбор правильный.

Виктор подошел к ней и встал рядом. Он тоже посмотрел в окно на бушующую метель.

— Я не знаю, какой выбор правильный, — сказал он, и его голос был тихим. — Но я знаю, что мы должны сделать это вместе. Мы должны принять это решение вместе. Это не твоя вина. Это не твоя ответственность. Мы все здесь. Мы все в этом участвуем.

Маргарита посмотрела на него, и внутри нее поднялась новая волна эмоций. Благодарность. Тепло. И странное, почти пугающее чувство, что она не одна.

— Спасибо, — сказала она, и ее голос дрогнул. — Спасибо, что ты здесь.

Она повернулась к остальным. Софья сидела в кресле, ее лицо было бледным, но спокойным. Аркадий стоял у стены, и его руки дрожали. Елена сидела в углу, обхватив колени руками, и раскачивалась, напевая свою странную мелодию.

— Мы должны принять решение, — сказала Маргарита, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы должны решить, что делать с этим револьвером. Мы должны решить, как мы будем выбираться отсюда.

— И что ты предлагаешь? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась усталость.

— Я предлагаю нам использовать этот револьвер, — сказала Маргарита. — Но не так, как хотел Крестовский. Мы не будем убивать друг друга. Мы не будем играть по его правилам. Мы будем использовать его как инструмент, чтобы найти выход.

— Как? — спросила Софья, и в ее голосе послышалось напряжение.

— Мы выстрелим в пол, — сказала Маргарита. — Мы выстрелим в то место, где нашли записку. Мы откроем проход вниз, в подземелье. И мы найдем то место, где Крестовский хранит свои настоящие секреты.

— Ты думаешь, это сработает? — спросил Виктор, и в его голосе послышалось сомнение.

— Я не знаю, — сказала Маргарита. — Но это единственный шанс, который у нас есть.

Она подошла к камину и остановилась перед местом, где они нашли записку. Пол был старым, покрытым слоем пыли и грязи. Но под ним, она знала, была пустота. Тайный проход, который вел в самое сердце дома.

Она достала револьвер и взвела курок. Звук был резким, металлическим, и он эхом разнесся по библиотеке. Все замерли, глядя на нее.

— Ты уверена? — спросил Аркадий, и его голос дрожал.

— Нет, — честно ответила Маргарита. — Но я должна попытаться.

Она прицелилась в пол, прямо в то место, где они нашли записку. Ее рука дрожала, но она заставила себя успокоиться. Она сделала глубокий вдох и нажала на спусковой крючок.

Грохот выстрела был оглушительным. Он разнесся по библиотеке, отразился от стен, проник в каждый угол, в каждую щель. Дым пороха заполнил комнату, и Маргарита почувствовала, как запах серы и гари ударил в нос.

Когда дым рассеялся, она увидела, что в полу образовалась дыра. Небольшая, но достаточная, чтобы они могли пролезть внутрь. Из дыры поднимался струя теплого воздуха, пахнувшего землей и гарью.

— Это вход, — сказала она, и ее голос дрожал. — Это вход в его сердце.

Она посмотрела на остальных. Они смотрели на нее с надеждой и страхом. Они ждали от нее спасения.

— Мы идем вниз, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы идем в самое сердце этого дома. Мы найдем его секреты. Мы перепишем его финал.

Она первая шагнула в дыру. За ней, один за другим, двинулись остальные.

Часть II. Вторжение правды

Подземелье встретило их темнотой и холодом. Воздух здесь был сырым, тяжелым, пропитанным запахом земли и старого камня. Маргарита зажгла фонарик, и узкий луч света разрезал темноту, выхватывая из нее очертания стен, покрытых плесенью, и пола, усыпанного гравием.

— Это старый подвал, — сказал Виктор, осматриваясь. — Он был построен задолго до дома. Возможно, здесь было что-то еще. Фундамент старой усадьбы.

— Или что-то другое, — сказала Софья, и ее голос был тихим, почти шёпотом. — Что-то, что Крестовский хотел спрятать.

Они двинулись вперед. Коридор был узким, и стены сжимали их с обеих сторон, создавая ощущение, что они идут по тоннелю, который ведет в самое сердце земли. Шаги эхом разносились по бетонным стенам, и Маргарите казалось, что за ними кто-то идет.

— Там свет, — сказал Аркадий, указывая вперед. — Я вижу свет.

Маргарита посмотрела в ту сторону, куда он указывал. Да, там действительно был свет. Тусклый, желтоватый, как от старой лампы накаливания.

Они ускорили шаг и вскоре оказались в небольшом помещении. Это была комната, похожая на лабораторию. Стены были заставлены стеллажами с банками и склянками. В центре стоял стол, заваленный бумагами и книгами. И в углу, на небольшом столике, стояла лампа, которая излучала тот самый желтоватый свет.

— Это его лаборатория, — сказала Софья, и в ее голосе послышалось напряжение. — Это место, где он создавал свои яды. Где он планировал свои спектакли.

Маргарита подошла к столу и начала перебирать бумаги. Это были дневники, записи, планы. Она узнала почерк Крестовского — тот самый каллиграфический почерк, который она видела в его письмах.

«Я нашел его, — прочитала она вслух. — Я нашел его душу. Он спрятал ее здесь, в этом подвале, в этой комнате. Он думал, что никто не найдет ее. Но я нашел. И я заберу ее. Я заберу его душу, как он забрал мою».

— Это о Ланском, — сказала Софья. — Он говорит о Ланском. Он нашел его тайную комнату. Он нашел его душу.

Маргарита перелистнула еще несколько страниц и остановилась на одной из них. Там был рисунок — схема дома, с отмеченными комнатами. Одна из них была обведена красным. Под ней было написано: «Здесь. Здесь его сердце. Здесь я найду правду».

— Это та комната, — сказала Маргарита, и ее голос дрожал. — Это место, где он хранит свои настоящие секреты. Мы должны найти его.

Она подняла глаза и посмотрела на схему. Комната была отмечена на нижнем уровне, под библиотекой. Именно туда они и направлялись.

Они двинулись дальше. Коридор становился все более узким, и стены были покрыты слоем плесени. Воздух был влажным, и Маргарита чувствовала, как капли воды оседают на ее коже.

— Мы близко, — сказал Виктор. — Я чувствую это.

Они вошли в небольшую комнату. Это было похоже на старый погреб. Стены были каменными, пол земляным. В центре комнаты стоял старый, обшарпанный стол, заваленный бумагами и книгами.

— Это здесь, — сказала Маргарита, и ее голос дрожал. — Это его сердце.

Она подошла к столу и начала перебирать бумаги. Это были черновики пьес, наброски, письма. Почерк был другим — не Крестовского, а Ланского. Мелкий, нервный, как у человека, который пишет в состоянии крайнего напряжения.

— Это его настоящие пьесы, — сказала она, и ее голос дрожал. — Не те, что были изданы. Это черновики. Это его душа.

Она взяла в руки стопку бумаг, перевязанных черной лентой. Она развязала ленту и начала перелистывать страницы. Это были пьесы, которые никогда не были поставлены. Пьесы, которые были запрещены цензурой. Пьесы, которые Крестовский украл и спрятал здесь, в этой комнате.

— Это «Палач», — сказала она, и ее голос дрожал. — Это полная версия «Палача». Та, которую он не дописал. Та, которую Крестовский использовал как сценарий для убийств.

Она начала читать вслух, и ее голос эхом разносился по маленькой комнате:

«Палач не знает, что он тоже актер. Он думает, что он создает правила, но он всего лишь марионетка. И его марионетка перережет нити. Палач умрет от той же руки, которой убивал. Потому что в конце концов правда всегда побеждает ложь».

— Это финал, — сказала Софья, и ее голос был тихим, почти шепотом. — Это его настоящий финал. Крестовский украл его и использовал как сценарий для своей мести.

Маргарита перелистнула еще несколько страниц и остановилась на одной из них. Там был текст, написанный красными чернилами, как кровь на бумаге:

«Я знаю, что он придет. Я знаю, что он украдет мои слова. Но я не боюсь. Потому что мои слова будут жить вечно. Они будут жить в его спектаклях, в его убийствах, в его смерти. Мои слова станут его приговором».

Маргарита почувствовала, как холод пробегает по ее спине. Она смотрела на текст, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее понимание.

— Он знал, — сказала она, и ее голос дрожал. — Ланский знал, что Крестовский украдет его пьесы. Он знал, что они станут орудием убийства. И он позволил этому случиться. Он хотел, чтобы его слова стали мстью.

Она подняла глаза на остальных. В ее глазах горел огонь — огонь открытия.

— Мы нашли его, — сказала она. — Мы нашли его сердце. Мы нашли его настоящие пьесы. И мы найдем способ использовать их против Крестовского.

Она взяла стопку бумаг в руки и повернулась к выходу. Внутри нее поднималась новая волна эмоций — гнев, обида, и странное, почти пугающее чувство освобождения. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут еще большие испытания, еще большие потери. Но она также знала, что они нашли правду. И эта правда изменит всё.

Часть III. Столкновение с неизбежным

Они стояли в центре тайной комнаты, окруженные рукописями Ланского, и чувствовали, как время застыло вокруг них. Воздух здесь был другим — тяжелым, пропитанным столетней пылью и запахом старой бумаги. Казалось, что сама комната дышала, храня секреты своего создателя.

Маргарита смотрела на стопку рукописей в своих руках, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Она чувствовала, как слова Ланского проникают в нее, как они становятся частью ее сознания. Она понимала, что эти пьесы — ключ к разгадке. Ключ к тому, чтобы понять Крестовского. Ключ к тому, чтобы переписать финал.

— Мы должны прочитать их, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы должны понять, что Ланский хотел нам сказать. Мы должны найти его послание.

Она села на пол, прислонившись спиной к стене, и начала читать. Остальные последовали ее примеру. Они сидели в кругу, как ученики вокруг учителя, и читали вслух, по очереди, слова человека, который умер много лет назад, но чей голос все еще звучал в этих стенах.

Софья читала отрывок из «Маски»:

«Мы все носим маски. Мы все играем роли. И мы все боимся, что однажды маска упадет, и мы увидим пустоту. Но пустота — это не конец. Пустота — это начало. Потому что только в пустоте мы можем создать что-то новое».

Виктор читал из «Зеркал»:

«Отражение — это не ложь. Это правда, которую мы не хотим видеть. Это та часть нас, которую мы прячем от мира. И когда мы смотрим в зеркало, мы видим не себя, а того, кем мы могли бы стать, если бы не боялись».

Аркадий читал из «Двойника»:

«Двойник — это не просто отражение. Это часть тебя, которую ты не хочешь видеть. Это твой страх, твоя ненависть, твое отчаяние. И если ты не примиришься с ним, он убьет тебя. Потому что в конце концов правда всегда побеждает ложь».

Елена, которая до этого момента молчала, подняла голову. В ее глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Я знаю эту пьесу, — сказала она, и ее голос был тихим, как шёпот. — Я читала ее. Когда я была маленькой. Я нашла ее в его кабинете. Он сказал, что это секрет. Что я не должна никому говорить.

— Кто? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалось напряжение. — Кто сказал тебе?

— Он, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — Тот, кто ждет за дверью. Тот, кто наблюдает за нами. Тот, кто знает все наши секреты.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее понимание. Она знала, что Елена не просто бредит. Она говорила правду. Она знала что-то, чего не знали они.

— Елена, — сказала Маргарита, и ее голос стал мягче. — Что ты знаешь? Что ты видела?

Елена подняла на нее глаза. В них была пустота, но в этой пустоте мелькнула искра воспоминания.

— Я видела его, — сказала она, и ее голос дрогнул. — Я видела его в подвале. Он был там. Он смотрел на меня. Он улыбался. Он сказал, что я должна прийти. Что я должна найти его. Что я должна стать его голосом.

— Чьим голосом? — спросила Софья, и в ее голосе послышалось напряжение.

— Его, — сказала Елена, и она указала на стопку рукописей. — Ланского. Он сказал, что я должна закончить его дело. Что я должна переписать его финал.

Маргарита смотрела на нее, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что Елена была права. Она была той, кого Крестовский выбрал. Она была той, кто должна была стать голосом Ланского.

— Мы должны найти его, — сказала Маргарита, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы должны найти то место, где он спрятал свою душу. Мы должны найти его и уничтожить.

— Как? — спросил Виктор, и в его голосе послышалось напряжение.

— Мы должны использовать его слова против него, — сказала Маргарита. — Мы должны переписать его финал. Мы должны сделать так, чтобы его собственное оружие обратилось против него.

Она поднялась на ноги и посмотрела на остальных. В ее глазах горел холодный, решительный огонь.

— Мы вернемся в библиотеку, — сказала она. — Мы скажем Крестовскому, что мы нашли его сердце. Мы скажем ему, что мы перепишем его финал. И мы сделаем так, чтобы он увидел правду.

Она повернулась и пошла к выходу. За ней, один за другим, двинулись остальные. Они шли по коридору, чувствуя, как их шаги эхом разносятся по подземелью. Они шли к финалу, который должен был стать их финалом.

Часть IV. Снаряжение для финала

Когда они вернулись в библиотеку, в комнате было тихо. Крестовский сидел в своем кресле, прикованный наручниками, и смотрел на них с выражением холодного, почти скучающего интереса. Его лицо было непроницаемым, как маска, и только глаза — живые, злые, насмешливые — говорили о том, что он все еще здесь, все еще наблюдает, все еще управляет.

— Вы нашли мою лабораторию, — сказал он, и его голос был сухим, надтреснутым, как трение наждачной бумаги о стекло. — Я знал, что вы найдете ее. Я хотел, чтобы вы нашли ее.

— Зачем? — спросила Маргарита, и в ее голосе послышалась ненависть.

— Потому что это часть моего плана, — сказал он, и его улыбка стала шире. — Я хотел, чтобы вы увидели правду. Я хотел, чтобы вы поняли, что все это было не просто так. Все это имело смысл.

— Какой смысл? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась злость. — Какой смысл в убийстве Ильи? В убийстве всех нас?

— Смысл в искусстве, — сказал Крестовский, и его глаза загорелись странным огнем. — Искусство требует жертв. Искусство требует правды. И я показал вам правду. Правду о том, кто вы есть. Правду о том, что вы всегда были марионетками. И теперь вы можете стать свободными.

— Свободными? — переспросила Софья, и в ее голосе послышалась насмешка. — Мы заперты в этом доме. Мы умираем один за другим. И ты называешь это свободой?

— Свобода — это выбор, — сказал Крестовский. — И я дал вам выбор. Вы можете умереть как жертвы. Или вы можете умереть как герои. Выбор за вами.

Маргарита смотрела на него, и внутри нее поднималась новая волна эмоций. Гнев. Обида. И странное, почти пугающее понимание того, что он был прав. Они должны были сделать выбор. Они должны были решить, как они умрут.

— Мы не будем умирать, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы будем жить. Мы найдем выход. Мы перепишем твой финал.

Крестовский улыбнулся, но в его улыбке не было уверенности. Только холодное, ледяное сомнение.

— Посмотрим, — сказал он.

Маргарита отвернулась от него и подошла к столу. Она взяла в руки револьвер и проверила, сколько патронов осталось. Шесть. Шесть выстрелов. Шесть возможностей.

Она подошла к окну и посмотрела на метель. Снег все еще падал, застилая мир белой пеленой. Она чувствовала, как холод проникает в нее, как он сжимает ее сердце, как он заставляет ее думать о том, что они могут не выжить.

Но она не могла позволить себе сдаться. Она должна была бороться. Она должна была найти выход. Она должна была спасти их всех.

Она повернулась к остальным. Они смотрели на нее с надеждой и страхом. Они ждали от нее спасения.

— Мы сделаем это, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы перепишем его финал. Мы найдем выход. Мы выживем.

Она подошла к Крестовскому и остановилась перед ним. Она смотрела на него, и в ее глазах не было ни страха, ни сомнения.

— Ты проиграл, Игнат, — сказала она, и ее голос был ледяным. — Ты проиграл, потому что ты не понял главного. Искусство — это не жертва. Искусство — это жизнь. И мы будем жить. Мы будем создавать. Мы будем бороться. И мы победим.

Она подняла револьвер и прицелилась в потолок. Все замерли, глядя на нее.

— Что ты делаешь? — спросил Виктор, и в его голосе послышалось напряжение.

— Я делаю выбор, — сказала Маргарита. — Я выбираю жизнь.

Она нажала на спусковой крючок. Грохот выстрела был оглушительным. Пуля пробила потолок, и оттуда посыпалась штукатурка. Комната наполнилась пылью и дымом.

Когда дым рассеялся, Маргарита увидела, что потолок треснул, и оттуда свисал старый, пыльный кабель.

— Это выход, — сказала она, и ее голос дрожал. — Это путь вверх.

— Мы не можем выбраться через потолок, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалось недоверие. — Мы не знаем, что там.

— Мы не знаем, что там, — сказала Маргарита. — Но мы должны попытаться. Это единственный шанс.

Она подошла к стене и начала карабкаться по старым трубам, которые шли вдоль стены. Ее руки дрожали, но она заставила себя двигаться. Она должна была найти выход. Она должна была спасти их всех.

Она добралась до потолка и просунула голову в дыру. За ней была темнота. Глубокая, бездонная темнота, из которой доносился запах пыли и старого дерева.

— Там пустота, — сказала она, и ее голос был тихим. — Там что-то есть. Я чувствую это.

Она залезла в дыру полностью и оказалась в небольшом пространстве. Это был чердак. Старый, пыльный, заставленный коробками и старыми вещами. Она огляделась и увидела в углу свет — тусклый, желтоватый свет, который пробивался через щель в крыше.

— Я нашла выход, — сказала она, и ее голос дрожал. — Я нашла его.

Она повернулась к остальным и протянула им руку. Они начали карабкаться вверх, один за другим. Елена поднялась последней, и ее лицо было бледным, как полотно.

Они стояли на чердаке, глядя на свет, который пробивался через щель в крыше. Он был слабым, но он был там. Он был символом надежды. Символом того, что они могли выжить.

— Мы сделали это, — сказала Маргарита, и ее голос дрожал. — Мы нашли выход.

Она подошла к щели и начала отдирать доски. Дерево было старым, гнилым, и оно поддавалось с трудом. Но она продолжала, чувствуя, как внутри нее поднимается новая волна сил.

— Помогите мне, — сказала она, и к ней подошли остальные. Они вместе начали отдирать доски, и через несколько минут они открыли проход наружу.

Холодный, свежий воздух ударил им в лицо. Они стояли на краю прохода и смотрели на мир за стенами дома. Метель утихала, и небо прояснялось. Звезды начинали появляться на темном небе.

— Мы вышли, — прошептала Елена, и ее голос был тихим, как шёпот. — Мы вышли.

Маргарита смотрела на звезды, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее чувство. Она знала, что они выжили. Они переписали финал. Они доказали, что Крестовский ошибался.

Она повернулась и посмотрела на остальных. Они стояли рядом с ней, и их лица были бледными, но в их глазах горел тот же огонь. Огонь жизни. Огонь надежды.

— Мы сделали это, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы переписали его финал. Мы выжили.

Она сжала кулаки и посмотрела в темноту. Она знала, что это только начало. Что впереди их ждут еще большие испытания, еще большие потери. Но она также знала, что они нашли правду. И эта правда изменит всё.

Часть V. Столкновение с финалом

Они стояли на крыше старой усадьбы, глядя на звезды, которые начинали появляться на темном небе. Метель утихала, и снег медленно переставал падать. Ветер стих, и мир вокруг них казался спокойным, почти мирным.

Маргарита смотрела на звезды, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее чувство. Она знала, что они выжили. Они переписали финал. Они доказали, что Крестовский ошибался.

Она повернулась и посмотрела на остальных. Они стояли рядом с ней, и их лица были бледными, но в их глазах горел тот же огонь. Огонь жизни. Огонь надежды.

— Мы сделали это, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы переписали его финал. Мы выжили.

Виктор подошел к ней и взял ее за руку. Его пальцы были холодными, но в них чувствовалась та же сила, что и в ней.

— Ты была права, — сказал он, и его голос был тихим. — Ты была права, когда сказала, что мы можем переписать финал. Ты была права, когда сказала, что мы можем выжить.

— Мы все были правы, — сказала она, и ее голос дрогнул. — Мы все сделали это вместе.

Она посмотрела на Софью, которая стояла чуть поодаль, глядя на звезды. Ее лицо было спокойным, почти безмятежным.

— Что ты думаешь? — спросила Маргарита, подходя к ней. — Что будет дальше?

Софья повернулась к ней. В ее глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Я не знаю, — сказала она, и ее голос был тихим. — Но я знаю, что мы выжили. Мы переписали его финал. Мы доказали, что он ошибался.

— И что теперь? — спросила Маргарита.

— Теперь мы должны жить, — сказала Софья. — Мы должны жить, чтобы доказать, что он был не прав. Мы должны жить, чтобы создать что-то новое. Что-то, что не будет связано с ним.

Маргарита кивнула. Она знала, что Софья была права. Они должны были жить. Они должны были создавать. Они должны были бороться.

Она подошла к краю крыши и посмотрела вниз. Дом стоял перед ними, темный и молчаливый. Он выглядел мертвым, как будто его душа покинула его.

— Мы должны уйти, — сказала она. — Мы должны уйти отсюда и никогда не возвращаться.

Она повернулась к остальным и увидела, что они смотрят на нее с надеждой и страхом. Они ждали от нее спасения.

— Мы уйдем, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы уйдем отсюда и начнем новую жизнь. Мы докажем, что он был не прав.

Она сделала шаг вперед, к краю крыши. Ветер снова начал дуть, и снег начал падать. Но она не боялась. Она знала, что они выживут.

Она прыгнула вниз, в сугроб, и почувствовала, как холодный снег обхватил ее тело. Она лежала в сугробе, глядя на звезды, и чувствовала, как внутри нее поднимается новая волна эмоций. Она была свободна.

Остальные последовали за ней. Они прыгали один за другим, и каждый из них чувствовал то же чувство свободы. Они были свободны. Они выжили. Они переписали финал.

Они стояли в сугробе, глядя на дом, который был их тюрьмой. Он стоял перед ними, темный и молчаливый, и казалось, что он смотрит на них с укором.

— Прощай, Игнат, — сказала Маргарита, и ее голос был тихим, как шёпот. — Ты проиграл. Мы выжили. Мы переписали твой финал.

Она повернулась и пошла в темноту. За ней, один за другим, двинулись остальные. Они шли по заснеженному лесу, и их шаги оставляли следы на белом снегу.

Они шли к новой жизни. Шли к свободе. Шли к финалу, который принадлежал им.

Часть VI. Мизансцена свободы

Они шли по заснеженному лесу, и мир вокруг них казался спокойным, почти мирным. Снег хрустел под ногами, и звезды светили на темном небе. Они шли молча, каждый погруженный в свои мысли, но их объединяло одно чувство — чувство свободы.

Маргарита шла впереди, чувствуя, как холодный воздух наполняет ее легкие. Она смотрела на звезды, и внутри нее поднималось странное, почти пугающее спокойствие. Она знала, что они выжили. Они переписали финал. Они доказали, что Крестовский ошибался.

Она обернулась и посмотрела на остальных. Они шли за ней, и их лица были бледными, но в их глазах горел тот же огонь. Огонь жизни. Огонь надежды.

— Мы сделали это, — сказала она, и ее голос был тихим. — Мы переписали его финал. Мы выжили.

— Да, — сказал Виктор, подходя к ней. — Мы сделали это. Мы переписали его финал. И теперь мы свободны.

— Но что будет дальше? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалось сомнение. — Куда мы пойдем? Что мы будем делать?

— Мы будем жить, — сказала Софья, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы будем жить, чтобы доказать, что он был не прав. Мы будем создавать. Мы будем бороться. Мы будем свободны.

Маргарита кивнула. Она знала, что Софья была права. Они должны были жить. Они должны были создавать. Они должны были бороться.

Она посмотрела на Елену, которая шла сзади, и ее лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в землю, и ее губы шевелились, как будто она что-то шептала.

— Елена, — сказала Маргарита, подходя к ней. — Ты в порядке?

Елена подняла голову. В ее глазах была пустота, но в этой пустоте мелькнула искра узнавания.

— Я не знаю, — сказала она, и ее голос был тихим. — Я не знаю, в порядке ли я. Но я знаю, что мы выжили. Мы переписали его финал. Мы доказали, что он ошибался.

Маргарита кивнула. Она знала, что Елена была права. Они выжили. Они переписали финал. Они доказали, что Крестовский ошибался.

Она повернулась и посмотрела на дорогу, которая вела их к свободе. Она знала, что впереди их ждут еще большие испытания, еще большие потери. Но она также знала, что они нашли правду. И эта правда изменит всё.

— Мы пойдем, — сказала она, и ее голос был твердым, как сталь. — Мы пойдем вперед, к новой жизни. Мы докажем, что он был не прав.

Она сделала шаг вперед, и остальные последовали за ней. Они шли по заснеженному лесу, и их шаги оставляли следы на белом снегу.

Они шли к свободе. Шли к новой жизни. Шли к финалу, который принадлежал им.

И когда они скрылись за поворотом, старый дом остался позади. Он стоял в темноте, пустой и молчаливый, и казалось, что он ждет кого-то. Ждет тех, кто вернется. Но они не вернутся. Они были свободны.

И финал был переписан.

Конец главы 26.

Глава 27. Декорация: Ошибка (Акт Восьмой)

Эпиграф: «Каждый шаг, который мы делаем, чтобы спастись, приближает нас к могиле, которую мы выбрали сами».

Часть I. Анатомия отчаяния

Воздух в библиотеке стал настолько плотным, что казалось, его можно было резать ножом. Маргарита Зорина стояла у стола, вцепившись пальцами в его край, и смотрела на лица остальных. Четыре человека. Четыре тени, которые когда-то были людьми с надеждами, мечтами, страхами. Теперь они были просто набором рефлексов, инстинктов и животного желания выжить. Таймер на стене показывал 11:47:22. Меньше двенадцати часов. Меньше полусуток до того момента, когда их тела перестанут подчиняться им, когда голод и жажда сделают своё дело.

За окнами бушевала метель. Снег бил в стекло с такой силой, что казалось, ещё немного — и оно разобьётся, впуская в дом ледяной хаос. Ветер выл на разные голоса, создавая жуткую какофонию, от которой хотелось закрыть уши и закричать. Старый дом стонал и скрипел, как живое существо, которое мучают от боли. Где-то наверху с гулким стуком захлопнулась дверь, и этот звук эхом разнесся по коридорам, напоминая им, что они не одни.

— Мы не можем оставаться здесь, — сказала Маргарита, и её голос прозвучал хрипло, с металлическим оттенком, который появился от постоянного напряжения. — Мы не можем сидеть в одной комнате и ждать, пока он убьёт нас всех.

— Кто «он»? — спросил Аркадий Вершинин, сидя на полу у стены. Его лицо было опухшим, с тёмными кругами под глазами, и он сжимал в руках пустую фляжку, то и дело поднося её к губам и тряся, словно надеясь выдоить оттуда последнюю каплю. — Ты говоришь о том, кто сидит в кресле и улыбается? О том, кто уже мёртв, но всё ещё управляет нами? Или о том, кто прячется в стенах и наблюдает за нами через щели?

— Я говорю о том, кто убил Илью, — сказала Маргарита, и её голос стал жестче. — О том, кто убил Аркадия. О том, кто хочет убить нас всех. Мы должны найти его. Мы должны остановить его.

— Мы уже перерыли весь дом, — сказал Виктор Штольц, стоя у окна и глядя на бушующую метель. Его лицо было бледным, осунувшимся, и он выглядел так, будто не спал несколько суток. — Мы нашли его лабораторию. Мы нашли его дневники. Мы нашли его яды. Мы знаем почти всё. Но мы не знаем, как выбраться отсюда.

— Мы знаем, что выход есть, — сказала Софья Райх, сидя в кресле с блокнотом на коленях. Её голос был холодным, спокойным, как у человека, который привык контролировать себя в любой ситуации. — Мы нашли его в дневниках Ланского. Там сказано, что есть тайный ход, который ведёт из дома наружу. Но мы не знаем, где он.

— И мы не найдём его, если будем сидеть здесь, — сказала Маргарита, и она обвела взглядом комнату. — Мы должны разделиться. Мы должны обыскать дом быстрее.

Слова повисли в воздухе, как удар молнии. Все замерли, глядя на неё с выражением, в котором смешивались ужас и недоверие.

— Разделиться? — переспросил Аркадий, и в его голосе послышалась горькая усмешка. — Ты хочешь, чтобы нас перебили поодиночке? Это классическая ошибка, Маргарита. Это то, что делают идиоты в дешёвых фильмах ужасов. Мы разделимся, и нас убьют одного за другим.

— Это единственный шанс, — сказала Маргарита, и её голос был твёрдым, как сталь. — Мы не можем покрыть весь дом, если будем ходить вместе. Мы должны разделиться на две группы. Мы должны обыскать все комнаты, все коридоры, все углы. Мы должны найти выход.

— Или умереть, пытаясь это сделать, — сказал Аркадий, и в его голосе послышалась усталость.

— Или умереть, пытаясь это сделать, — повторила Маргарита, и она посмотрела на него с вызовом. — Но это лучше, чем сидеть здесь и ждать смерти.

На мгновение воцарилась тишина. Только ветер выл за окнами, и снег бил в стекло, и старый дом стонал под напором стихии.

— Я согласен с ней, — сказал Виктор, и он отошёл от окна. — Мы не можем продолжать в том же духе. Мы должны действовать. Мы должны найти выход.

— И как мы разделимся? — спросила Софья, и она закрыла свой блокнот. — Кто с кем пойдёт?

— Я и Виктор пойдём в подвал, — сказала Маргарита, и она посмотрела на него. — Мы уже были там. Мы знаем, где находится его лаборатория. Мы знаем, где находятся его тайные комнаты. Мы можем найти что-то, что мы пропустили.

— А мы? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалось напряжение. — Мы останемся здесь? Будем сидеть и ждать, пока вы вернётесь?

— Нет, — сказала Маргарита, и она посмотрела на него с вызовом. — Вы пойдёте в библиотеку. Вы обыщите её. Вы найдёте что-то, что мы пропустили. Книги, записи, что угодно. Всё, что может помочь нам найти выход.

— Я не пойду с ней, — сказал Аркадий, указывая на Елену. — Она сумасшедшая. Она слышит голоса. Она может убить меня.

— Я не убиваю, — сказала Елена Соболева, сидя в углу и обхватив колени руками. Её голос был тихим, почти шёпотом, и она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чём конкретном. — Я просто слышу. Я слышу, что он говорит. Он говорит, что мы должны идти. Что мы должны найти его. Что мы должны стать его голосом.

— Ты слышишь? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась злость. — Ты слышишь, что она говорит? Она слышит голоса. Она сумасшедшая. Я не пойду с ней.

— Тогда ты пойдёшь со мной, — сказала Маргарита, и она посмотрела на него. — Ты и я. Мы пойдём в библиотеку. Виктор и Софья пойдут в подвал. Елена останется здесь.

— Одна? — спросила Елена, и её голос дрогнул. — Ты хочешь оставить меня одну?

— Ты не будешь одна, — сказала Маргарита, и она подошла к ней. — Ты будешь здесь, в библиотеке. Ты будешь наблюдать за Крестовским. Ты будешь нашим глазами сверху. Если ты увидишь что-то, если ты услышишь что-то, ты позовёшь нас.

— Я не хочу быть одна, — сказала Елена, и её голос стал тише. — Я не хочу быть одна с ним. Он говорит со мной. Он говорит, что я должна прийти к нему. Что я должна стать его голосом.

— Ты не пойдёшь к нему, — сказала Маргарита, и её голос стал мягче. — Ты останешься здесь. Ты будешь в безопасности.

— Я не буду в безопасности, — сказала Елена, и она подняла на неё глаза. В них была пустота, но в этой пустоте мелькнула искра понимания. — Я никогда не буду в безопасности. Никто из нас не будет в безопасности. Потому что он уже здесь. Он уже внутри нас.

Она замолчала и снова опустила голову, уставившись в пол. Её губы начали шевелиться, и она забормотала что-то тихо, почти неслышно.

Маргарита смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё поднимается холод. Она знала, что не может помочь Елене. Она была слишком далеко, слишком глубоко в своём безумии. Единственное, что они могли сделать, это найти выход и выбраться отсюда.

— Мы должны идти, — сказала она, и она повернулась к остальным. — Мы теряем время. Каждая минута — это шанс найти выход. Мы должны использовать его.

Она подошла к столу и взяла револьвер. Она проверила, сколько патронов осталось. Шесть. Шесть выстрелов. Шесть возможностей.

— Виктор, — сказала она, и она протянула ему револьвер. — Возьми. Ты и Софья идёте в подвал. Это самое опасное место. Ты должен быть вооружён.

Виктор взял револьвер, и его пальцы сжали холодный металл. Он посмотрел на неё, и в его глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а благодарность.

— Спасибо, — сказал он, и его голос был тихим. — Я не подведу тебя.

— Я знаю, — сказала Маргарита, и она посмотрела на него с вызовом. — Возвращайся живым.

Она повернулась к Аркадию. Он стоял у стены, и его руки дрожали. Он смотрел на неё с выражением, в котором смешивались злоба и страх.

— Ты готов? — спросила она.

— Я не готов, — сказал он, и в его голосе послышалась горечь. — Но у меня нет выбора.

— У нас ни у кого нет выбора, — сказала Маргарита, и она пошла к двери. — Идём.

Она открыла дверь и вышла в коридор. За ней, неохотно, но покорно, двинулся Аркадий. Виктор и Софья последовали за ними, но на лестнице, ведущей в подвал, они отделились.

— Мы встретимся здесь, в холле, через два часа, — сказала Маргарита, и она посмотрела на них. — Если кто-то не вернётся к этому времени, мы будем знать, что случилось худшее.

— Мы вернёмся, — сказал Виктор, и его голос был твёрдым. — Мы найдём выход. Мы выберемся отсюда.

— Удачи, — сказала Маргарита, и она повернулась и пошла по коридору.

Она шла, чувствуя, как шаги Аркадия эхом разносятся за её спиной. Она шла в библиотеку, зная, что это может быть последним, что она делает в своей жизни. Но она не могла позволить себе сдаться. Она должна была бороться. Она должна была найти выход. Она должна была спасти их всех.

Часть II. Вторжение в реальность

Библиотека встретила их тем же запахом пыли и старых книг, который стал им почти родным за эти дни. Маргарита вошла и остановилась на пороге, глядя на высокие стеллажи, уходящие в темноту. Красный свет аварийных ламп создавал зловещие тени на стенах, и казалось, что сами книги смотрели на них с укором.

— Здесь мы уже были, — сказал Аркадий, закрывая за собой дверь. — Мы уже перерыли всё. Мы ничего не нашли.

— Мы нашли не всё, — сказала Маргарита, и она направилась к столу. — Мы не нашли его настоящие записи. Мы не нашли то, что он хотел скрыть.

— И что мы ищем? — спросил Аркадий, и в его голосе послышалась усталость. — Ещё один дневник? Ещё одну записку? Ещё одну загадку, которая убьёт нас?

— Мы ищем правду, — сказала Маргарита, и она начала перебирать книги на столе. — Мы ищем то, что он хотел, чтобы мы нашли. То, что он спрятал так, чтобы мы не могли найти его.

— Ты говоришь загадками, — сказал Аркадий, и он подошёл к ней. — Ты всегда говорила загадками. Даже когда мы были молодыми, ты говорила загадками. Ты думала, что это делает тебя умнее. Но это просто делало тебя невыносимой.

— Заткнись, Аркадий, — сказала Маргарита, и она не повернулась к нему. — Ты только нагнетаешь панику.

— Я не нагнетаю панику, — сказал он, и в его голосе послышалась злость. — Я просто говорю правду. Мы умрём здесь. Все. И никакие книги не изменят этого.

Он отошёл от неё и начал ходить по комнате. Его шаги были тяжёлыми, неуклюжими, и он то и дело спотыкался о ковёр, который лежал на полу.

— Сядь, — сказала Маргарита, и она повернулась к нему. — Ты только мешаешь.

— Я не мешаю, — сказал он, и он остановился. — Я просто ищу. Я ищу то, что ты ищешь. Я ищу правду. Но я не знаю, где она.

Он начал ходить между стеллажами, касаясь пальцами корешков книг. Его глаза были мутными, и он смотрел на книги с выражением, в котором смешивались любопытство и страх.

— Здесь что-то есть, — сказал он, и он остановился у одного из стеллажей. — Здесь есть книга, которая стоит не так, как другие.

Маргарита подошла к нему. Она посмотрела на стеллаж и увидела, что одна из книг действительно стояла корешком внутрь, как будто кто-то специально поставил её так, чтобы она не привлекала внимания.

— Это странно, — сказала она, и она протянула руку. — Это может быть что-то важное.

Она взяла книгу и вытащила её из стеллажа. Это был пустой футляр, внутри которого лежал кусок старого зеркала. Он был покрыт слоем пыли, и на его поверхности были видны трещины.

— Что это? — спросил Аркадий, и его голос дрогнул.

— Это зеркало, — сказала Маргарита, и она посмотрела на него. — Старое зеркало. Оно было спрятано здесь. Кто-то хотел, чтобы мы нашли его.

Аркадий взял зеркало в руки. Его пальцы дрожали, и он смотрел на своё отражение с выражением, в котором смешивались ужас и любопытство.

— Моё отражение, — сказал он, и его голос стал тише. — Оно не такое, как я. Оно другое. Оно искажённое.

— Это просто старое зеркало, — сказала Маргарита, и она попыталась забрать его у него. — Оно повреждено. Оно просто искажает изображение.

— Нет, — сказал Аркадий, и он отступил на шаг. — Это не просто зеркало. Это правда. Это правда о том, кто я есть. Я уже мёртв. Я не настоящий. Я просто тень. Тень, которая пытается быть человеком.

— Аркадий, перестань, — сказала Маргарита, и её голос стал резче. — Ты просто устал. Ты просто напуган. Ты видишь то, чего нет.

— Я вижу правду, — сказал он, и его голос стал громче. — Я всегда видел правду. Но никто не хотел слушать. Никто не хотел слышать. И теперь... теперь слишком поздно.

Он посмотрел в зеркало, и его глаза расширились. Он увидел не своё отражение, а что-то другое. Что-то, что заставило его побледнеть и отступить.

— Он там, — прошептал он, и его голос дрожал. — Он смотрит на меня. Он улыбается. Он говорит, что я должен прийти к нему. Что я должен стать его голосом.

— Кто? — спросила Маргарита, и она подошла к нему. — Кто говорит с тобой?

— Он, — сказал Аркадий, и он указал дрожащим пальцем в темноту. — Тот, кто ждёт за дверью. Тот, кто наблюдает за нами. Тот, кто знает все наши секреты.

Он начал пятиться назад, не отрывая взгляда от зеркала. Его лицо было искажено от ужаса, и он выглядел так, будто увидел призрака.

— Аркадий, остановись, — сказала Маргарита, и она попыталась схватить его за руку. — Ты ударишься о стеллаж.

Но он не слышал её. Он продолжал пятиться, и его глаза были устремлены на зеркало. Он что-то шептал, и его голос был тихим, почти неслышным.

— «Белый Пьеро пляшет на проволоке, а под ним — семь могил. Первая — для правды, вторая — для сна, третья — для памяти, четвёртая — для любви, пятая — для надежды, шестая — для веры, седьмая — для тишины. И все они ждут, когда упадет последний актёр».

Маргарита слышала эти слова. Она слышала их от Елены. И теперь Аркадий повторял их. Он говорил их так, как будто они были написаны у него в голове.

— Откуда ты знаешь эти слова? — спросила она, и в её голосе послышалось напряжение.

— Он сказал мне, — сказал Аркадий, и его голос стал тише. — Он рассказывает мне много вещей. Когда я сплю, он приходит и говорит со мной. Он говорит, что я особенный. Что я выбран. Что я должен... я должен стать его голосом.

Он остановился и посмотрел на неё. В его глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Ты не можешь помочь мне, — сказал он, и его голос был тихим. — Никто не может помочь мне. Потому что он уже внутри меня. Он всегда был внутри меня.

Он замолчал и снова посмотрел в зеркало. Его лицо исказилось, и он начал смеяться. Этот смех был странным, неестественным, как у человека, который потерял рассудок.

— Я вижу тебя, — прошептал он, и он прижал зеркало к груди. — Я вижу тебя, мой палач. Ты думаешь, что ты управляешь мной? Ты думаешь, что ты сильнее меня? Ты всего лишь тень. Тень, которая пытается быть человеком.

Он замахнулся и ударил зеркалом о стеллаж. Стекло разбилось на тысячи осколков, и они разлетелись по комнате, сверкая в красном свете. Аркадий стоял в центре комнаты, и его руки были покрыты порезами. Кровь капала на пол, смешиваясь с пылью и грязью.

— Что ты наделал? — спросила Маргарита, и она подошла к нему. — Ты поранился. Ты должен остановиться.

— Я не могу остановиться, — сказал он, и его голос дрожал. — Он не даёт мне остановиться. Он говорит, что я должен продолжать. Что я должен найти его. Что я должен стать его голосом.

Он начал ходить по комнате, как зверь в клетке. Его глаза были безумными, и он выглядел так, будто готов был напасть на любого, кто подойдёт к нему.

— Аркадий, — сказала Маргарита, и она подошла к нему. — Посмотри на меня. Ты слышишь меня? Ты должен успокоиться. Ты должен...

— Я не должен ничего, — сказал он, и он повернулся к ней. — Я должен только умереть. Я должен умереть, чтобы стать свободным.

Он замахнулся и ударил её по лицу. Удар был сильным, и Маргарита пошатнулась, чувствуя, как кровь течёт из разбитой губы. Она отступила на шаг, глядя на него с ужасом.

— Аркадий, остановись, — сказала она, и её голос был тихим. — Ты не хочешь этого. Ты не хочешь убивать меня.

— Я хочу, — сказал он, и его голос стал тише. — Я хочу убить тебя. Я хочу убить всех. Потому что это единственный способ стать свободным.

Он шагнул к ней, и она почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она знала, что он может убить её. Он был сильнее, он был безумнее, и он не контролировал свои действия.

— Аркадий, — сказала она, и её голос дрожал. — Ты не хочешь этого. Ты не хочешь убивать меня. Ты хочешь жить. Ты хочешь выбраться отсюда. Ты хочешь...

— Я хочу умереть, — сказал он, и он шагнул к ней. — Я хочу умереть, потому что это единственный способ быть свободным.

Он подошёл к ней и схватил её за плечи. Его пальцы впились в её кожу, и она чувствовала, как он сжимает их с нечеловеческой силой. Она попыталась вырваться, но он держал её крепко.

— Ты не понимаешь, — сказал он, и его голос стал тише. — Ты никогда не понимала. Ты думала, что ты главная. Ты думала, что ты можешь спасти нас. Но ты не можешь. Ты не можешь спасти никого. Ты просто жертва, как и все мы.

Он замахнулся, готовясь ударить её снова, но в этот момент раздался звук, от которого он замер. Это был голос Крестовского. Сухой, надтреснутый, как трение наждачной бумаги о стекло.

— Аркадий, — сказал голос, и он доносился из динамиков, которые были встроены в стены. — Ты должен прийти ко мне. Ты должен стать моим голосом. Ты должен убить её. Это твой финал. Это твоя роль.

Аркадий замер, глядя на динамик. Его глаза были расширены, и он выглядел так, будто увидел призрака.

— Он говорит со мной, — прошептал он, и его голос дрожал. — Он говорит, что я должен прийти к нему. Что я должен стать его голосом. Что я должен убить её.

Он повернулся к Маргарите, и его лицо было искажено от ярости. Он замахнулся, готовясь ударить её, но в этот момент она вырвалась и отбежала в сторону.

— Аркадий, остановись! — закричала она. — Ты не хочешь этого! Ты не хочешь убивать меня!

— Я хочу! — закричал он, и он бросился за ней. — Я хочу убить тебя! Я хочу убить всех!

Он бежал за ней по библиотеке, и его шаги эхом разносились по комнате. Маргарита бежала между стеллажами, чувствуя, как её сердце колотится в груди. Она не знала, сколько времени она бежала. Она знала только, что должна была убежать от него.

Она выбежала в центр библиотеки и остановилась. Аркадий бежал за ней, и его лицо было искажено от ярости. Он выглядел как зверь, который преследовал свою добычу.

— Ты не убежишь, — сказал он, и его голос был тихим, как шёпот. — Ты не убежишь от меня. Ты не убежишь от него. Ты не убежишь от правды.

Он сделал шаг к ней, и Маргарита почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она знала, что не может убежать от него. Она должна была сражаться. Она должна была остановить его.

Она подняла руку и ударила его по лицу. Удар был сильным, и он пошатнулся, глядя на неё с удивлением.

— Ты ударила меня, — сказал он, и его голос дрожал. — Ты ударила меня. Ты не должна была делать этого. Ты не должна была...

Он замахнулся, готовясь ударить её в ответ, но в этот момент раздался звук, от которого они оба замерли. Это был крик. Громкий, пронзительный крик, который разорвал тишину и эхом разнесся по дому.

— Елена, — прошептала Маргарита, и она повернулась в сторону, откуда доносился крик. — Это Елена.

Аркадий тоже замер, глядя в сторону, откуда доносился крик. Его лицо побледнело, и он выглядел так, будто только что проснулся от кошмара.

— Это она, — сказал он, и его голос был тихим. — Она зовёт нас. Она зовёт на помощь.

Он побежал в сторону, откуда доносился крик, и Маргарита побежала за ним. Она бежала через библиотеку, чувствуя, как её сердце колотится в груди. Она не знала, что случилось с Еленой. Она знала только, что должна была помочь ей.

Они выбежали из библиотеки и оказались в коридоре. Елена стояла у стены, и её лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чём конкретном, и её губы шевелились, как будто она что-то шептала.

— Елена, — сказала Маргарита, и она подошла к ней. — Что случилось? Что ты видела?

Елена подняла на неё глаза. В них была пустота, но в этой пустоте мелькнула искра узнавания.

— Я видела его, — сказала она, и её голос был тихим, как шёпот. — Я видела его в зеркале. Он смотрел на меня. Он улыбался. Он сказал, что я должна прийти к нему. Что я должна стать его голосом.

— Кто? — спросила Маргарита, и в её голосе послышалось напряжение. — Кто сказал тебе?

— Он, — сказала Елена, и она указала дрожащим пальцем в темноту. — Тот, кто ждёт за дверью. Тот, кто наблюдает за нами. Тот, кто знает все наши секреты.

Она замолчала и снова опустила голову, уставившись в пол. Её губы начали шевелиться, и она забормотала что-то тихо, почти неслышно.

Маргарита смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё поднимается холод. Она знала, что Елена сломалась. Она знала, что не может помочь ей. Но она также знала, что должна защитить её. Она должна была найти выход. Она должна была выбраться отсюда.

— Мы должны идти, — сказала она, и она повернулась к Аркадию. — Мы должны найти выход. Мы должны...

Она замолчала, глядя на него. Аркадий стоял у стены, и его лицо было бледным, как полотно. Он смотрел на свои руки, которые были покрыты порезами, и его глаза были пустыми.

— Аркадий, — сказала она, и её голос был тихим. — Ты в порядке?

Он поднял голову и посмотрел на неё. В его глазах была пустота, но в этой пустоте мелькнула искра понимания.

— Я не знаю, — сказал он, и его голос был тихим. — Я не знаю, в порядке ли я. Но я знаю, что должен идти. Я должен найти его. Я должен стать его голосом.

Он повернулся и пошёл по коридору. Маргарита смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри неё поднимается холод. Она знала, что он идёт к своей смерти. Она знала, что не может остановить его.

Она повернулась к Елене. Она стояла у стены, и её лицо было бледным, как полотно. Она смотрела в пространство перед собой, не фокусируясь ни на чём конкретном, и её губы шевелились, как будто она что-то шептала.

— Елена, — сказала Маргарита, и она подошла к ней. — Ты должна идти со мной. Мы должны найти выход. Мы должны...

Она замолчала, глядя на неё. Елена подняла голову, и в её глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Я не могу идти, — сказала она, и её голос был тихим. — Он не даёт мне идти. Он говорит, что я должна остаться. Что я должна ждать. Что я должна стать его голосом.

— Ты не должна слушать его, — сказала Маргарита, и её голос стал твёрже. — Ты должна слушать меня. Ты должна идти со мной. Мы найдём выход. Мы выберемся отсюда.

Елена смотрела на неё, и в её глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Ты не можешь помочь мне, — сказала она, и её голос был тихим. — Никто не может помочь мне. Потому что он уже внутри меня. Он всегда был внутри меня.

Она замолчала и снова опустила голову, уставившись в пол. Её губы начали шевелиться, и она забормотала что-то тихо, почти неслышно.

Маргарита смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё поднимается холод. Она знала, что не может помочь Елене. Она была слишком далеко, слишком глубоко в своём безумии. Единственное, что она могла сделать, это найти выход и выбраться отсюда.

Она повернулась и пошла по коридору, оставляя Елену одну. Она шла, чувствуя, как шаги эхом разносятся по пустому дому. Она шла к выходу, который, возможно, никогда не найдёт.

Часть III. Стадия отрицания

Подвал встретил Виктора и Софью тем же холодным, спёртым воздухом, который пах сырой землёй, старым бетоном и машинным маслом. Здесь, под землёй, вой ветра был приглушённым, как будто доносился из другой реальности. Тишина давила на уши, заставляя сердце биться быстрее.

— Мы должны найти выход, — сказал Виктор, и он зажёл фонарик. — Мы должны найти то место, где он хранит свои настоящие секреты. То место, которое он не хотел, чтобы мы нашли.

— Мы уже были здесь, — сказала Софья, и она огляделась. — Мы уже обыскали всё. Мы ничего не нашли.

— Мы нашли не всё, — сказал Виктор, и он направился по коридору. — Мы не нашли его сердце. Мы не нашли то место, где он хранит свою душу.

— Его душу? — переспросила Софья, и в её голосе послышалось напряжение. — Ты думаешь, что у него есть душа?

— Я думаю, что у него есть секреты, — сказал Виктор, и он остановился. — Секреты, которые он не хотел, чтобы мы нашли. И мы должны найти их.

Он начал осматривать стены, ища скрытые панели, тайные механизмы, что-то, что могло бы выдать проход. Софья подошла к нему и тоже начала осматривать стены.

— Здесь что-то есть, — сказала она, и она остановилась у одной из стен. — Здесь есть шов. Это не просто стена. Это дверь.

Виктор подошёл к ней и провёл рукой по стене. Он чувствовал, как под его пальцами проходит шов, который был почти незаметен.

— Ты права, — сказал он, и он начал искать способ открыть дверь. — Здесь есть что-то. Помоги мне.

Они вместе начали давить на стену, и она поддалась с трудом. С тихим скрипом стена начала поворачиваться, открывая узкий проход, ведущий в темноту.

— Это ещё один тайный ход, — сказала Софья, и в её голосе послышалось напряжение. — Мы нашли его.

Они вошли в проход и оказались в небольшой комнате. Это было похоже на старый винный погреб. Стены были каменными, пол земляным. В центре комнаты стоял старый, обшарпанный стол, заваленный бумагами и книгами.

— Это его лаборатория, — сказал Виктор, и он подошёл к столу. — Это место, где он создавал свои яды. Где он планировал свои спектакли.

Он начал перебирать бумаги, ища что-то, что могло бы помочь им. Софья подошла к нему и тоже начала перебирать бумаги.

— Здесь что-то есть, — сказала она, и она взяла в руки стопку бумаг. — Это его настоящие записи. Не те, что мы нашли раньше. Это его личные записи.

Она начала читать вслух, и её голос был сухим, монотонным, как у лектора:

— «Я нашел его. Я нашел его душу. Он спрятал её здесь, в этом подвале, в этой комнате. Он думал, что никто не найдет её. Но я нашел. И я заберу её. Я заберу его душу, как он забрал мою».

— Это о Ланском, — сказал Виктор, и его голос был тихим. — Он говорит о Ланском. Он нашел его тайную комнату. Он нашел его душу.

— Да, — сказала Софья, и она перелистнула страницу. — И здесь есть что-то ещё. Это схема дома. Она показывает все тайные ходы. Все комнаты. Все секреты.

Она положила бумагу на стол, и они вместе начали изучать схему. Это была сложная сеть коридоров и комнат, которые были скрыты от глаз. И в центре, в самом сердце дома, была отмечена комната, которую они не видели раньше.

— Это здесь, — сказал Виктор, и он указал на красный круг. — Это его сердце. Это место, где он хранит свои настоящие секреты.

— Мы должны найти его, — сказала Софья, и она взяла схему в руки. — Мы должны найти эту комнату.

Они вышли из лаборатории и двинулись по коридору, следуя указаниям схемы. Они шли через лабиринт подземелий, и каждый шаг приближал их к цели.

— Мы близко, — сказал Виктор, и он остановился. — Я чувствую это.

Они вошли в небольшую комнату. Это было похоже на старую гримёрную. Стены были покрыты зеркалами, и в центре стоял старый, обшарпанный стол. На столе лежала стопка бумаг, и на них был тот же каллиграфический почерк Крестовского.

— Это его гримёрная, — сказала Софья, и она подошла к столу. — Это место, где он готовился к своим спектаклям. Где он создавал свои маски.

Она начала перебирать бумаги, ища что-то, что могло бы помочь им. Виктор подошёл к зеркалу и посмотрел на своё отражение. Оно было бледным, измождённым, но в нём было что-то странное. Что-то, что он не мог понять.

— Софья, — сказал он, и его голос дрогнул. — Посмотри на моё отражение. Оно не двигается.

Софья подошла к нему и посмотрела на зеркало. Её лицо побледнело, и она отступила на шаг.

— Оно не двигается, — сказала она, и её голос дрожал. — Оно не повторяет твоих движений. Оно смотрит на тебя.

Виктор повернулся к зеркалу и посмотрел на своё отражение. Оно было неподвижным, и его глаза были устремлены на него. В них было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Ты видишь? — спросил он, и его голос дрожал. — Оно не двигается. Оно смотрит на меня.

— Это не просто зеркало, — сказала Софья, и она подошла к нему. — Это нечто большее. Это окно в другую реальность. Это то, что Крестовский создал, чтобы наблюдать за нами.

Она протянула руку и коснулась зеркала. Оно было холодным, как лёд, и в нём чувствовалась странная энергия.

— Мы должны уйти отсюда, — сказала она, и её голос был тихим. — Мы должны уйти, пока не стало слишком поздно.

Они повернулись и пошли к выходу, но в этот момент раздался звук, от которого они замерли. Это был голос Крестовского. Сухой, надтреснутый, как трение наждачной бумаги о стекло.

— Вы нашли мою гримёрную, — сказал голос, и он доносился отовсюду. — Я знал, что вы найдёте её. Я хотел, чтобы вы нашли её.

— Зачем? — спросил Виктор, и его голос дрожал.

— Потому что это часть моего плана, — сказал голос. — Я хотел, чтобы вы увидели правду. Я хотел, чтобы вы поняли, что всё это было не просто так. Всё это имело смысл.

— Какой смысл? — спросила Софья, и в её голосе послышалась злость. — Какой смысл в убийстве Ильи? В убийстве всех нас?

— Смысл в искусстве, — сказал голос, и он стал тише. — Искусство требует жертв. Искусство требует правды. И я показал вам правду. Правду о том, кто вы есть. Правду о том, что вы всегда были марионетками.

— Мы не марионетки, — сказал Виктор, и его голос был твёрдым. — Мы люди. Мы живы. И мы выберемся отсюда.

— Посмотрим, — сказал голос, и он затих.

Виктор и Софья стояли в темноте, глядя друг на друга. В их глазах было что-то новое — не страх, не отчаяние, а решимость.

— Мы должны идти, — сказала Софья, и она повернулась к выходу. — Мы должны найти выход.

Они пошли по коридору, и их шаги эхом разносились по подземелью. Они шли к выходу, который, возможно, никогда не найдут. Но они не сдавались. Они боролись до конца.

Часть IV. Снаряжение для правды

Маргарита стояла в центре библиотеки, чувствуя, как её сердце колотится в груди. Она слышала шаги Аркадия, который убегал от неё, и она знала, что должна догнать его. Она должна была остановить его, прежде чем он сделает что-то, что нельзя будет исправить.

Она побежала за ним, чувствуя, как её ноги увязают в ковре. Она бежала через лабиринт стеллажей, и каждый шаг приближал её к нему. Она слышала его дыхание, слышала, как он тяжело дышит, как он спотыкается о книги, которые лежат на полу.

— Аркадий, остановись! — закричала она. — Ты не хочешь этого! Ты не хочешь убивать себя!

Но он не слушал её. Он продолжал бежать, и его шаги эхом разносились по комнате. Он бежал к выходу, к двери, которая вела в коридор.

Она выбежала из библиотеки и увидела его. Он стоял в коридоре, и его лицо было бледным, как полотно. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Ты не можешь остановить меня, — сказал он, и его голос был тихим, как шёпот. — Ты не можешь остановить никого из нас. Мы все здесь, чтобы играть свои роли. И моя роль — умереть.

Он повернулся и пошёл по коридору, и Маргарита побежала за ним. Она бежала через коридоры, чувствуя, как стены сжимают её с обеих сторон. Она бежала к выходу, который, возможно, никогда не найдёт.

Она выбежала в холл и остановилась. Аркадий стоял у лестницы, и его лицо было бледным, как полотно. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то странное — не страх, не отчаяние, а странное, почти пугающее понимание.

— Ты не можешь помочь мне, — сказал он, и его голос был тихим. — Никто не может помочь мне. Потому что он уже внутри меня. Он всегда был внутри меня.

Он повернулся и начал подниматься по лестнице. Маргарита побежала за ним, но он был быстрее. Он поднялся на второй этаж и исчез в темноте.

Она стояла на лестнице, чувствуя, как её сердце колотится в груди. Она знала, что не может догнать его. Она знала, что он идёт к своей смерти. И она ничего не могла сделать, чтобы остановить его.

Она повернулась и пошла обратно в библиотеку. Она должна была найти Елену. Она должна была защитить её. Она должна была найти выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.